

УДК 81.39

Л. Б. Бойко

О СТРУКТУРЕ АНТРОПОНИМА И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются некоторые аспекты функционирования антропонимов и условия реализации их когнитивного потенциала в русской и англоязычной лингвокультурах. На основании проведенного исследования с привлечением методов анкетирования и интервью делается попытка продемонстрировать, как подвижность антропонимической модели позволяет отразить представление и восприятие личности в разных культурах и как человек регулирует отношения с окружением при помощи выбора форм имени в коммуникации.

The article deals with the functioning of anthroponyms and the conditions for the realization of their cognitive potential in the Russian and English cultural contexts. In this survey-based research an attempt is made to demonstrate how the flexibility of anthroponymical models reflects both the representation and perception of an individual in the two cultures, and how communication is handled with the help of personal names' variations.

Ключевые слова: антропоним, культура, патроним, функционирование, коммуникация.

Key words: anthroponym, personal name, culture, patronymic, functioning, communication.

Изучение языка в тесной связи с многогранностью бытия человеческой личности, ее сознанием, мыслительной деятельностью позволяет открывать все новые грани в уже достаточно подробно исследованных областях. Неоценимый вклад внесен в теорию и практику ономастических исследований В.Д. Бондалетовым, Ю.А. Рыловым, Дж. Серлем, А.В. Суперанской, В.И. Супруном и многими другими, а также Д.И. Ермоловичем в рассмотрение проблематики перевода ономастических единиц. Однако если за точку отсчета взять личность человека как носителя и пользователя имени, то можно увидеть хорошо знакомые единицы языка под другим углом зрения. Это одна из причин, почему не только не ослабевают, но и ширится интерес к такому подклассу лексики, как антропоним.

В настоящей статье хочется сосредоточиться на сравнении структур и функционирования имени человека в английском и русском языках. При этом не предполагается составления инвентаря функций рассматриваемых ономастических единиц, но ставится цель продемонстрировать, как человек, исходя из его определяющей роли в формировании антропонимической картины мира, регулирует в ходе коммуникации свои отношения с окружением при помощи выбора имеющихся в его распоряжении форм имени.

С помощью методов дескриптивно-аналитического описания и рефлексивной индукции, традиционно используемых в ономастических исследованиях, будут рассмотрены как отдельные аспекты функционирования антропонимов, так и условия реализации их когнитивного потенциала в контексте конкретно взятых культур. В статье приводятся избранные данные из проведенных анкетных опросов и интервью, охвативших более 400 человек.

Важно подчеркнуть принципиальную позицию, с которой антропоним будет рассматриваться далее: будем исходить из того, что за именем человека признается когнитивная сущность. Мы полностью разделяем точку зрения авторов, которые усматривают в онимизации способ идентификации личности, и принимаем утверждение, что внутреннее выделение себя из окружающего мира можно рассматривать как когнитивный акт [2, с. 38]. Антропоним, выступая в роли «этикетки» — то есть имея денотат, но не имея сигнификата [12; 17; 19], обрывает значением и коннотациями в употреблении, обретая признаки концепта [17]. Более того, концептуальность имени проявляется в том, как в культуре формируются представления о возможности его применения [8]. Чрезвычайно важно учитывать тот факт, что основным когнитивным ракурсом восприятия имени человека является оппозиция «свой — чужой» [10]. Онимы составляют часть этнокультурного пространства [1; 12] и рассматриваются как этнокультурные маркеры языкового сознания [11]. Современные исследования обратили свой взгляд на ономастику с точки зрения языкового сознания, учитывая особенности восприятия, идентификации и интерпретации единиц языка [7]. С.И. Гарагуля [6, с. 6] выделяет понятие антропонимической личности, под которым понимается психологическое соотнесение индивида со своим именем и восприятие имени окружающими.

Независимо от того, насколько похожи или различны в культурах механизмы онимизации и законы пользования именем, за ним признается статус культурной универсалии, причем универсалии такой значимости, что имянаречение принято сопровождать ритуалом. Поскольку социальная роль антропонима состоит в идентификации личности как члена общества, соответственно, имя требует признания его другими. Это одна из причин, по которым каждое культурное сообщество вырабатывает свои законы имянаречения и имяпользования.

Одним из любопытных аспектов антропонимики является компонентный состав имени человека. Различия в структуре антропонима отражают особенности представления и восприятия личности в разных культурах.

16

Хорошо известные модели антропонимов в европейских лингвокультурах включают от двух до n компонентов. Обычно они представляют собой личное имя и фамилию, при наличии (необязательном, чаще формальном) среднего имени в большинстве западноевропейских социумов. При этом культуры самостоятельно регулируют «формулы» антропонима. Например, в исландской культуре исторически сложилось так, что патроним занимает место фамилии; в испанском языке при регистрации человек получает две фамилии — отца и матери; в восточнославянских языках не утратил своей роли такой важный дополнительный идентификатор личности, как отчество.

Двучленная система имени исторически сложилась еще в дохристианский период [5; 15; 20] с целью уточнения идентификации личности, причем наряду с патронимами использовались и матронимы. Антропонимическая модель развивалась похожим образом во многих европейских культурах — от личного имени к прибавлению патронима, который сначала становился дополнительным идентификатором, но в дальнейшем мог преобразоваться в фамилию или исчезнуть. Так, на этапе, когда в Англии уже существовали фамилии, жители Уэльса к имени человека добавляли и имена родителей, как матери, так и отца. Из истории хорошо известно, что королевская династия Тюдоров получила свое имя благодаря тому, что валлийское личное имя отца ее основателя *Tudur* (от *Theodore*) в составе антропонима *Owain ap Marededd ap Tudur*, где *ap* означает «сын», а *Marededd* — имя матери, в английском языке было принято как фамилия.

Потребность не только в идентификации личности, но и в установлении родства для решения вопросов наследования играла не последнюю роль в разветвлении антропонимической модели. Очевидно, что именно социально-экономическое развитие общества привело к необходимости введения фамилии, которая лишь сравнительно недавно стала частью ономастикона [12; 15].

Природа антропонима как одного из видов более широкого класса лексики онимов определяет специфику его функционирования. Сложившиеся к настоящему времени структуры антропонимов являются «живыми» комплексами, безразличными к прагматической стороне их употребления. В трактовке и восприятии антропонима отражается его когнитивная сущность и выявляется оппозиция «свой — чужой».

Рассмотрим, как особенности функционирования антропонима во многом определяются порядком следования компонентов имени (о функциях антропонимов см. также [16]).

Официально принятая структура имени индивида в своем полном виде пригодна для использования исключительно в формальных ситуациях. Характерное отличие функционирования развернутого антропонима как номинатива в русском и английском языках заключается в порядке следования компонентов имени: в английском языке личное имя (*first name*) предшествует фамилии (*John Smith*), тогда как в русском предпочтение отдается обратному порядку (*Понов Петр Иванович*), причем помещение имени и отчества перед фамилией в официальных документах воспринимается как нарушение нормы русского языка. В английском языке изменение порядка следования компонентов допускается в письменном дискурсе — например в списках, где используются инициалы; при этом фамилия отделяется запятой: *Pierce, C. S.* В русском языке для списков принят такой же порядок (отделение запятой часто игнорируется), однако помещение инициалов перед фамилией также возможно. В связном тексте в обоих языках инициалы или имя предшествуют фамилии. Очевидно, что последовательность компонентов антропонима определяется типом дискурса, при этом в официальном письменном дискурсе возможно сохранение инициалов, тогда как в устном (например, при оглашении списка людей) имя собственное в полной форме предстает в соответствующем для каждого языка порядке.

Принятый в русском языке порядок следования компонентов имени в формальном дискурсе (фамилия, имя, отчество) вероятно обусловлен тем, что фамилия считается главным элементом антропонимического комплекса. Невольно напрашивается аналогия с описанием, например, товаров в магазине, где характеристика продукта занимает вторую позицию: *торт вафельный, кофе молотый, чай черный байховый*. Интересно, что едим мы при этом *вафельный торт* и пьем *черный чай*. Так и с антропонимом: номенклатурно — *Иванов Иван Иванович*, а в жизни — *Иван Иванович Иванов*. В когнитивную модель антропонима, таким образом, заложены элементы, порядок употребления которых является осознанным и целенаправленным актом для носителей конкретной культуры.

При использовании развернутой формы русского антропонима (имя, отчество, фамилия) в номинативной функции в формальном контексте резко меняется прагматический аспект: оставаясь в рамках официального стиля, автор сообщения демонстрирует свое особое уважение к называемому лицу. Так, если в научной публикации или лекции упоминается *Юрий Михайлович Лотман* — то есть полным именем и в указанной последовательности, в этом легко читается близость позиций автора и известного ученого, особое уважение, а может быть и личное знакомство. В устном дискурсе всегда более вежливо будет при упоминании имени присутствующего лица придерживаться именно этой формулы. Без фамилии может прекрасно работать прецедентное личное имя: «Есть такой тип, тот же Федор Михайлович называл их

"стриюцкими"». («Коммерсантъ». 2013. 11 февр.). Такая референция автора статьи к Достоевскому выполняет функцию включения адресанта, адресата и упомянутой личности в общий лингвокультурный контекст. Таким образом, в русском языке «перемена мест слагаемых» и развертывание либо свертывание имени решительным образом меняют прагматическую окраску дискурса. В английском языке такой смены отношения не прослеживается, потому что конвенциональная формула имени собственного остается прежней: личное имя предшествует фамилии. Использование только фамилии в обоих языках во всех видах дискурсов равным образом воспринимается как формальное и остраненное. Особенно ощутимы различия в восприятии имени, выполняющего вокативную функцию. Проведенные опросы подтвердили достаточно предсказуемый результат на предмет обращения по фамилии: 98,7% информантов считают, что такое обращение свидетельствует о дистанцировании от коммуниканта и даже «звучит грубо» (цитата из анкеты). В опросе русскоязычные информанты отметили, что им хорошо известен способ обозначить разрыв отношений с человеком, отказавшись от упоминания имени лица и перейдя на фамилию. Налицо явное противопоставление имени и фамилии по принципу «свой — чужой» в их функционировании. Случаи обращения одного из супругов к другому по фамилии только подтверждают это правило: очевидно являясь способом подчеркнуть близость отношений («мне можно, тогда как другим нельзя»), такой способ интимизации прекрасно демонстрирует работу когнитивного механизма энантиосемии.

Отдельно следует отметить, что в межкультурном общении различия в традиционном порядке следования имени и фамилии в русском и английском языках нередко приводят к сбоям в коммуникации (см. об этом: [19]). Поскольку в европейских культурах патронимы нерелевантны, а русские отчества еще и трудны в произношении, в межкультурной коммуникации отчество обычно опускается, и на визитных карточках чаще всего оставляют только фамилию и имя владельца, «подгоняя» таким образом русскую антропонимическую модель под европейскую. При этом часто не учитывают, что фамилия должна стоять на втором месте, что приводит к ошибке в обращении: например, в имени Нилин Вадим как фамилия воспринимается второй компонент, и не следует удивляться, что иностранец обратится к этому господину Mr Vadim вместо Mr Nilin.

Таким образом, если признать, что уже один только порядок следования компонентов имени играет роль в установлении должного модуля общения, выявляя тем самым когнитивную природу имени собственного, то становится очевидным, что антропоним в своей в общем-то не слишком перегруженной компонентами модели (в конкретной паре языков) проявляет себя как тонкий инструмент коммуникации.

Как культурная универсалия в рассматриваемых здесь языках имя проявляет себя схожим образом — в частности, в своей динамике: имя «вырастает» вместе со своим владельцем. Действительно, в сравниваемых языках в раннем детстве человека именуют в основном личным именем и по большей части в его гипокористической форме; по мере

социализации возрастает потребность в фамилии, а в русском языке на определенном этапе проявляется коммуникативная значимость патронима, который заслуживает особого внимания в данной статье.

В восточнославянских языках отчество до определенного момента в жизни человека остается за пределами повседневного употребления, и только при соблюдении определенных условий оно вступает в свои права, регулируя коммуникацию в своей вокативной функции. Каковы эти условия? Они определяются возрастным и статусным параметрами. Ю. С. Степанов в одной из работ приводит пример с эволюцией имени собственного на протяжении жизни: «...мы спрашиваем: *А как теперь Ванечка?*, и нам отвечают: *Спасибо, он уже Иван Иванович, женился, сам имеет сына, кстати, тоже Ванечку*» [14, с. 254]. Эта иллюстрация типичной для русского языка смены антропонимического формата отчетливо демонстрирует, как форма имени отражает осознание коммуникантами возрастного параметра: Ванечка в обоих употреблениях — ребенок, а Иван Иванович — взрослый человек. Антропонимы в данном диалоге вполне можно заменить на нарицательные имена с семантикой возраста (мальш — взрослый, мальчик — мужчина). Следовательно, наличие отчества сигнализирует о том, что человек достиг возраста, который предполагает его самостоятельное и ответственное участие в жизни социума. Формы имени, соответствующее разным ситуациям, не только не препятствуют пониманию — напротив, компетентному коммуниканту они позволяют отождествлять одно и то же лицо с разными именами в различных условиях и его статусных ролях.

В русской лингвокультуре редко возникает необходимость дополнительно указывать возраст обладателей одинаковых имен, как это делается в английском (например, *John Davison Rockefeller Jr.*), поскольку русская культура располагает дополнительным идентификатором в виде отчества. Полное имя человека легко восстанавлимо, если известно имя отца. Актер и режиссер Константин Райкин рассказывал в одной из телевизионных передач о курьезном случае с малокомпетентной журналисткой, которая так обратилась к нему, договариваясь об интервью: «Константин — простите, забыла, как Ваше отчество». Эта ситуация комична по той причине, что ставшее национально-прецедентным имя Аркадия Райкина по сей день остается культовым в нашей стране; оно составляет часть национальной антропонимической картины мира и не может не быть знакомым представителю русской лингвокультуры, при том, что модель формирования антропонима является элементом когнитивного базиса русскоговорящих.

Общественная договоренность может устанавливать довольно причудливые (неписанные) правила использования патронима в именах публичных людей. Так, имена известных личностей в сознании носителей языка могут закрепиться в привычной форме: в русском языковом сознании есть скорее *Петр Ильич Чайковский*, а не *Петр Чайковский*. Между прочим, это отнюдь не праздный вопрос для переводчика: нужно ли при переводе с английского к имени *Ivan Aivazovsky* добавлять привычное для русского уха отчество *Константинович*? Публичные персо-

ны в артистической сфере могут быть до преклонных лет известны поклонникам по имени и фамилии (например, *Василий Лановой* или *Нонна Мордюкова*), но могут и получить с годами полную формулу имени, как *Алла Борисовна (Пугачева)*. Как бы то ни было, в вокативной функции в официальном контексте русское имя взрослого человека будет выступать в комбинации «имя + отчество». Регулирование этих условий коммуникации зависит от носителя имени, но это — отдельная тема.

Коммуникативная компетентность языковой личности проявляется в умении определить эти параметры и не нарушить границы, которые таким образом устанавливаются. Так, например, опросы русскоязычных информантов показали, что некорректное употребление патронима может стать препятствием для успешной коммуникации. Сюда относятся случаи обращения по имени-отчеству к молодым людям в ситуациях, не обязывающих к такой модели: например, к студентам в группе. В ходе нашего исследования было получено описание ситуации, в которой преподаватель-иностранец обращался по имени и отчеству к студентам, чем создавал некомфортную обстановку. Когнитивная природа антропонима не терпит «несанкционированного» изменения статуса индивида: не только понижение, но и повышение статуса требует осознания и принятия индивидом вербальной выраженности этого статуса.

Особняком стоит использование отчества вместо личного имени (Михалыч, Петровна) (см. также: [16]). Как выяснилось, отчество, употребляемое отдельно от имени, воспринимается как сигнал неформальных отношений между людьми и требует принятия такой модели обеими сторонами. Так, обращение только по отчеству было охарактеризовано как «фамильярное или дружеское, но приемлемое только среди людей пожилого возраста». В ходе интервью в группе респондентов старшего возраста (45 и старше) были получены комментарии о том, что несанкционированное обращение к ним по отчеству (без личного имени) вызывало у них чувство протеста. Семеро информантов описали ситуацию, в которой частный доктор «перешел на отчество» (*Петрович, Сергеевна*) уже после первой встречи с пациентами, что вызвало реакции от недоумения до молчаливого неприятия, а в отдельных случаях и отказ от получения услуги.

В английском языке патроним давно утратил свою былую роль, оставив функционировать двухкомпонентный антропоним [20]. Формально существующее среднее имя (middle name) не является патронимом и требуется только для официальных документов. Повседневное оно используется редко, только по личному выбору его носителя, а главное, оно не учитывается в этикетном аспекте коммуникации. Разумеется, для формального общения в языках существуют специальные этикетные слова: Mr, Mrs, Miss, Ms, Dr и другие — в английском; господин, товарищ, гражданин и другие — в русском. Эти слова называют по-разному: лексем-обращения, адрессивы, гоноративы (по аналогии с японскими) и даже социальные артикли. В русской культуре помимо этих слов, надолго ставших камнем преткновения в обществе после со-

циальных перемен начала XX века, аналогичную этикетную функцию выполняет отчество. В современной английской лингвокультуре использование этикетных слов (Mr/Mrs/Ms) перед фамилией регламентировано рамками строго официального дискурса, и они не компенсируются, как в русском, отчеством. Следует напомнить, что помимо описанных выше различий в следовании компонентам антропонима английский язык отличается склонностью к использованию гипокористических форм личных имен (first names). Эта давно отмеченная тенденция [3; 4] явно имеет целью если не реально сократить статусную дистанцию между коммуникантами, то хотя бы продекларировать стремление к равенству (Bill Clinton, Ed Miliband). Университетский профессор будет скорее представлен аудитории как Steve Brown, чем как Stephen Brown. Посылая такой сигнал, носитель имени очевидно имеет целью сокращение дистанции между коммуникантами, элиминируя различие между «своими» и «чужими». В современном мире в условиях тесных контактов неизбежно влияние новых веяний, и в нашем случае русский язык испытывает воздействие со стороны английского. Тенденция избегать отчества уже замечена в современной деловой среде и вызывает неоднозначные оценки со стороны представителей русской культуры.

21

Как культурная универсалия личное имя занимает особое место в когнитивном пространстве индивида. Трудно переоценить и ту роль, какую антропоним играет в коммуникации как межкультурной, так и внутри одной культуры. Достаточная гибкость структуры антропонима позволяет делать осознанный выбор формы имени, что в свою очередь представляет собой когнитивный акт. Не только от того, какой или какими из составляющих представлено имя, но и каков порядок их следования, зависит успешность коммуникации. Осознание приоритета фамилии (и отчества в русском языке) в формальном общении и личного имени в неформальном позволяет коммуникантам выстраивать общение в рамках оппозиции «свой – чужой». Асимметричность антропонимических моделей в русском и английском языках должна учитываться при установлении контактов в межкультурной коммуникации.

Коммуникативная компетентность языковой личности проявляется в том, как индивид умеет использовать такой тонкий инструмент, как антропоним. Зная «правила пользования» антропонимом, коммуникант может регулировать свои отношения с окружающими при помощи выбора форм имени при общении. Закрепленные антропонимические модели являются своеобразной вербальной «сеткой», которая набрасывается на модели социально-статусных отношений в лингвокультурном сообществе, четко отражая и особым способом регулируя взаимоотношения коммуникантов.

Список литературы

1. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
2. Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.

3. Бойко Л. Б. Антропоним как объект герменевтического толкования при переводе художественного текста // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 1999.
4. Бойко Л. Б. Культурологические аспекты перевода, или руководство по чтению «глокой куздры». // МГУ: Россия и Запад — диалог культур. 2000. №8 (1).
5. Бондалетов В. Д. Русская ономастика : учеб. пособие для студентов пединститутов. М., 1983.
6. Гарагуля С. И. Антропонимические трансформации и идентичность индивида. М., 2008.
7. Голев Н. Д., Дмитриева Л. М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. №5.
8. Голомидова М. В. Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.
9. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.
10. Новикова О. Н. Аспекты когнитивного изучения имени собственного — антропонима // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. №3.
11. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) М., 2005.
12. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М., 2006.
13. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / под ред. проф. Ю. А. Рылова. Воронеж, 2010.
14. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. 2-е изд. М., 2010.
15. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 2008
16. Супрун В. И. Антропонимы в вокативном употреблении // Известия Уральского гос. университета. 2001. №20.
17. Чернобров А. А. Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык — философия — логика — психология — культура). Новосибирск, 2006.
18. Boyko L. The 'what's-in-a-name' question viewed through the prism of intercultural communication // Vertimo Studijos. 2012. №5.
19. Searle J. R. Speech acts. Cambridge, 1997.
20. Sørensen J. K. Patronymics in Denmark and England. London, 1983. URL: <http://vsnrwebpublications.org.uk/Patronymics%20in%20denmark%20and%20england.pdf>. (дата обращения: 01.11. 2013).

Об авторе

Людмила Борисовна Бойко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: boyko14@gmail.com

About the author

Dr Lyudmila Boyko, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: boyko14@gmail.com